

«ТРУД ПОЭТА КАК ГЛЫБА УРАНА...»

Слово о поэте Юрии Панкратове (1935–2013)

Недавно встретил в Интернете статью «Забытые поэты. Юрий Панкратов и Иван Харабаров» автора Михаила Маргулиса. Прочитал и подумал: «Боже, это же о звёздах, может быть, первой величины ещё какихнибудь полвека назад, несомненно суперталантливых ребятах». Особенно мне дорог Юрий Панкратов, которого знал лично и даже немного работал под его началом. Впрочем, обо всём по порядку...

Советское читающее общество, почитавшее после Великой Отечественной войны доблестных её героев, поэтов-фронтовиков Константина Симонова, Алексея Суркова, Семёна Гудзенко, буквально было шокировано раскованной поэзией первых «шестидесятников». Причем это были не стяжавшие великую славу впоследствии Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, а как раз их по возрасту младшие собратья – Юрий Панкратов и Иван Харабаров. Никто ещё так не писал:

*Зима была такой молоденькой,
Такой веселой и бедовой,
Она казалась мне молочницей
С эмалированным бидном.*

Поразительная лёгкость и мелодичность стиха, оптимистическое, созидательное содержание, экзистенциализм в лучшем смысле, который прорывался к нам с Запада. Конечно, они были приняты далеко не на «ура» официальными инстанциями. Тем более поведение их напоминало «есенинщину», да и сам гениальный Сергей Есенин, в значительной мере – Александр Блок и вся поэзия Серебряного века находились под полузапретом.

Но лёд, как говорится, тронулся. Хрущёвская оттепель...

Судьбы этого дуумвирата – Харабаров и Панкратов – сложились поразному, но драматично. Иван умер во цвете лет, едва перевалив за тридцать, а Юрий был привлечен к административной деятельности в комсомоле, в издательских структурах и уже не мог столь бесшабашно предаваться излишествам богемной жизни. Стихи у него появлялись реже, хотя и были по-прежнему мускулистыми, разноплановыми и неожиданными.

Именно в эту пору я, студент московского вуза, попал на стажировку в издательство «Современник», где Панкратов, которого уже уважительно величали Юрий Иваныч, работал заместителем главного редактора по разделу художественной литературы. А главным тоже был поэт – Валентин Сорокин, тоже широко известный. Как замечено, чем выше административная карьера поэта, всякие высокие должности, тем губительнее они для творческой личности. Впоследствии я это испытал и на собственном трудном опыте.

А тогда – было море по колено. Мне поручали оценку рукописей, составление внутренних рецензий, и я, ничтоже сумняшеся, «раздраконию» нескольких авторов. В том числе именитых, решив таким путем значительно облегчить непомерно тяжелый издательский портфель. Надо мной добродушно

посмеялись товарищи по отделу молодые поэты Алексей Меньков и Юрий Никоничев (в будущем – лирики высокого класса), а главное – на меня обратил внимание «шеф» – Юрий Панкратов, узнав, что я приехал из Казахстана, где он родился и учился в школе и техникуме, работал на стройках. Мы вместе ходили в ЦДЛ, устраивали иногда застолья в кафешке недалеко от работы, читали стихи, шутили, веселились. Жаль, что практика моя закончилась и мне пришлось засесть за диплом. Хотел взять в качестве темы творчество Юрия Панкратова, который вполне считался одним из столпов тогдашней поэзии, но в деканате утвердили другую кандидатуру – поэта Егора Исаева, будущего лауреата Ленинской премии и Героя Социалистического Труда.

С Юрием Панкратовым мы больше не встречались. Я следил за литературой, знал, что у него регулярно выходят новые сборники, читал его подборки в «ЛГ» и радовался, что талант его с годами не увядает. Потом были разгромные для настоящей поэзии горбачевские годы, развал страны и всё то, что превратило литературу в узкое цеховое занятие. Поэтов стали читать в основном сами поэты, да и то по диагонали, а наше искусство с приходом Интернета превратилось в примитивную «сетературу», и выхода из этого болота, боюсь, уже не предвидится.

Не знаю, как жил в эти годы Юрий Иванович, что значительного создал. Подборки, размещённые в сети, дают слабое представление о глубине и размахе его недоужинного таланта, этого довольно редкого явления в русской поэзии, метеором прошедшего по небосклону отечественной словесности. Очень хочется надеяться, что оно будет по достоинству оценено «будущими невеждами» (выражение Пушкина) хотя бы словами «то-то был поэт!».

Небольшой экскурс в биографию Юрия Панкратова. Как я уже отметил, он был уроженец города Семипалатинска, потом жил в Алма-Ате, окончил строительный техникум, лет десять работал на стройках Казахстана и Средней Азии. Переехав в Москву, он выпустил сборники стихов «Месяц», «Волнение», «Светлояр», «Месяц июль», «Лунь-Озеро», «Волшебный хлеб», «Светом берёзья» и другие. Выступал со статьями по вопросам современной поэзии: «О чувстве нового», «Гражданственность – моя держава», «Не в буре дешёвых оваций. О творчестве молодых поэтов». Жил в Москве, но никогда не забывал родину, часто навещал её. Не удержусь, чтобы не привести строки из стихотворения «Здравствуй, Азия!».

*Пусть опять мои дни озарят
Те тропинки, что в юности пройдены.
По рождению я сам азиат,
Здравствуй, родина!*

Таково в целом и всё его творчество, в котором новаторство средств выражения сочетается с краткостью, ёмкостью, глубиной содержания.

Если Павлодар дал русской поэзии Павла Васильева, то Семипалатинск и Алма-Ата выпестовали Юрия Панкратова. Можно вспомнить в этой связи также Льва Щеглова, Юрия Домбровского, другие таланты, расцветшие в годы пребывания в Казахстане. Да не оскудеет земля наших братских народов, питающая своих детей могучими соками.

